

Клапка Джером Джером

**Трое в одной лодке, не считая
собаки**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Клапка Джером Джером

Трое в одной лодке, не считая собаки / Клапка Джером Джером – М.: Книга по Требованию, 2011. – 136 с.

ISBN 978-5-458-03314-5

«...книга эта вовсе не задумывалась как юмористическая. Писатель вспоминал, что собирался написать «рассказ о Темзе», ее истории, живописных пейзажах и достопримечательностях, украшающих ее берега. Но получилось нечто совсем другое. Незадолго до этого Джером вернулся из свадебного путешествия. Он чувствовал себя необыкновенно счастливым и не был настроен на серьезный лад. Поэтому, поглядывая из окна кабинета на Темзу, он решил начать не с очерков о реке, а с юмористических вставок, которые бы оживили книгу и связали очерки в единое целое. Вставки давались Джерому легко, они увлекли его и в результате стали основой книги. Закончив писать, он «вымучил» с десятков «серьезных» кусочков и «втиснул» их в некоторые из глав. Однако редактору журнала, в котором печаталась повесть, они показались излишними, и он их почти все выбросил. Да, Джерому Клапке Джерому, как он ни старался, трудно было оставаться серьезным — и в жизни, и в творчестве.»

ISBN 978-5-458-03314-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Джером Клапка Джером

Трое в одной лодке, не считая собаки

Перевод М. Салье.

Вступительная статья В. Чухно.

Дѣломъ К. ДИЖЕРОМ

1859 — 1927

Как трудно быть серьезным

С фотографии на вас смотрит строгое волевое лицо с упрямо поджатыми губами, и как-то не верится, что это не ученый или, скажем, священник, а знаменитый английский писатель-юморист. Впрочем, ему всегда хотелось создать какое-нибудь серьезное произведение, и он неоднократно пытался это сделать. Однако читатели помнят его прежде всего как автора уморительно смешных «Троих в одной лодке» и других веселых повестей и рассказов. Серьезность писателю удавалось сохранить лишь на фотографии.

У него даже имя было какое-то причудливое — Джером К. Джером. А если учесть, что К. означает «Клапка», то оно и вовсе звучит легкомысленно. Но Джером Клапка Джером не псевдоним; писателя так звали на самом деле. Необычное второе имя отец дал ему в честь своего друга Дьердя Клапки, венгерского генерала, жившего в эмиграции в городке Уолсоле, что в графстве Стаффордшир. Именно там 2 мая 1859 года и родился будущий юморист.

Отец Джерома занимался и строительством домов, и добычей угля, и продажей скобяных изделий, но дела у него шли из рук вон плохо. Одновременно он был евангелическим проповедником, и, нужно сказать, эта роль удавалась ему намного лучше. Возможно, склонность к нравоучительным рассуждениям, встречающимся в некоторых произведениях Джерома, писатель унаследовал от своего отца.

Когда Джерому пошел второй год, отец его окончательно разорился, и вся семья переехала в Лондон. Они поселились в Ист-Энде — районе рабочих и бедноты. Несмотря на материальные затруднения, мальчика определили в классическую школу. Учился он без особой охоты, но читал много, запоем, и хорошо запоминал прочитанное — память у него была великолепная. Прирожденный талант юмориста проявился у Джерома очень рано. Еще в школе он прославился как остроумный рассказчик; его шутки подхватывались на ходу и долго повторялись школьными товарищами.

В 1871 году отец умер. Сводить концы с концами Джеромам стало намного труднее. Спустя два года четырнадцатилетний мальчик вынужден был бросить школу, и давний друг семьи устроил его клерком в железнодорожную компанию. В 1875 году не стало и матери. Джером-младший с сестрами оказались круглыми сиротами, и теперь могли рассчитывать только на самих себя. Кем только ему не довелось поработать в последующие годы — и школьным учителем, и подручным стряпчего, и репортером, и актером.

Выступая на сцене в составе различных театральных трупп, молодой Джером исколесил за три года почти всю страну. Он многое повидал, и все это запечатлелось в его уникальной памяти. Именно в те годы он познакомился, а потом и подружился с большим оригиналом — Джорджем Уингрейвом. Ему было суждено стать прототипом Джорджа — пожалуй, самого забавного персонажа повести «Трое в одной лодке». Джером не раз путешествовал с ним и еще с одним приятелем на лодке по Темзе. Возможно, эти прогулки и вдохновили писателя на создание прославленного комического шедевра.

Впечатления, накопленные Джеромом за годы работы актером, нашли отражение в его первой книге «На сцене и за кулисами» — сборнике юмористических

рассказов о театральной жизни. Он был опубликован в 1885 году и очень хорошо принят читателями. Окрыленный успехом, Джером пишет в 1886 году «Праздные мысли лентяя» — веселые эссе о всякой всячине. Эта книга имела большой успех, ее, по словам самого Джерома, «расхватывали, как горячие пирожки». Джером Джером решает сделать писательство своей основной профессией.

В 1888 году он встретил женщину, которую полюбил настолько сильно, что решил жениться на ней, хотя до тех пор не представлял себя в роли женатого человека. Годом позже он поселился в Челси, фешенебельном районе в западной части Лондона. В новом доме из окон его круглого рабочего кабинета открывался чудесный вид на реку Темзу и отдаленные холмы за городом. Именно там Джером К. Джером и написал свое самое знаменитое произведение — «Трое в одной лодке, не считая собаки».

Интересно отметить, что книга эта вовсе не задумывалась как юмористическая. Писатель вспоминал, что собирался написать «рассказ о Темзе», ее истории, живописных пейзажах и достопримечательностях, украшающих ее берега. Но получилось нечто совсем другое. Незадолго до этого Джером вернулся из свадебного путешествия. Он чувствовал себя необыкновенно счастливым и не был настроен на серьезный лад. Поэтому, поглядывая из окна кабинета на Темзу, он решил начать не с очерков о реке, а с юмористических вставок, которые бы оживили книгу и связали очерки в единое целое. Вставки давались Джерому легко, они увлекли его и в результате стали основой книги. Закончив писать, он «вымучил» с десяток «серьезных» кусочков и «втиснул» их в некоторые из глав. Однако редактору журнала, в котором печаталась повесть, они показались излишними, и он их почти все выбросил. Да, Джерому Клапке Джерому, как он ни старался, трудно было оставаться серьезным — и в жизни, и в творчестве.

В 1892 году Джером вместе с друзьями начали издавать ежемесячный иллюстрированный журнал «Лентяй». Благодаря своей занимательности «Лентяй» быстро стал одним из самых популярных периодических изданий Англии. В журнале печатались такие известные авторы, как Роберт Стивенсон, Марк Твен, Брет Гарт. В 1893 году он основал еженедельник «Сегодня», став и его редактором тоже. Среди художников, иллюстрировавших этот лучший на то время еженедельный журнал страны, были такие знаменитости, как Обри Бердслей и Фил Мэй.

Редактирование журналов отнимало у Джерома все рабочее и свободное время. За пять с лишним лет он не написал практически ничего, а лишь вычитывал и правил тонны чужих рукописей. В конце 1897 года из-за финансовых и других осложнений он оставил редакторство и снова стал писателем. В том же году выходит его новый сборник «Наброски лиловым, голубым и зеленым». Рассказы действительно написаны во всем диапазоне «цветовых» оттенков — от очень смешных до чуть ли не трагических историй.

Джером любил бывать за границей и в некоторых странах оставался подолгу. Больше всего он прожил в Германии, о которой потом много писал. Трижды Джером выступал с публичным чтением своих сочинений в Америке. Человек он был любознательный и всегда с охотой откликался на приглашение посетить места, где еще не бывал. В феврале 1899 года писатель посетил Россию.

Произведения Джерома появились на русском языке еще в 1893 году и с тех пор выходили в переводах ежегодно, часто по многу раз в год. Ко времени при-

езда писателя в Россию его имя было хорошо известно читающей публике, и его ждал необыкновенно теплый прием. Самое популярное в то время российское периодическое издание — еженедельный иллюстрированный журнал «Нива» — посвятило английскому писателю восторженную статью в десятом номере за 1899 год.

«В феврале гостил в Петербурге известный всей образованной России английский писатель Джером К. Джером, юмористические очерки которого нередко украшали и столбцы «Нивы», — писал журнал. — Имя Джерома-Джерома стало одним из первых в английской литературе. Его книги не могли пройти незамеченными: в них столько самобытности, прелестного юмора, ума и доброты... Несмотря на сравнительно молодой возраст автора (39 лет)... его имя уже ставится наряду с классиками, и издание за изданием выпускается в Лондоне, Америке и почти на всех европейских языках... Нам, русским, он особенно близок — и по добродушному, ласковому юмору, и по меланхолически-поэтическим размышлениям».

Далее «Нива» сообщила читателям, будто одним из предков Джерома был переселившийся в Англию чех по имени Клапка, в честь которого писатель и получил свое необычное имя. «Значит, в нем течет славянская кровь!» — с гордостью восклицал журнал. Версия о славянских предках, конечно, лишена оснований, но от этого мы любим Джерома не меньше.

Джером очаровал принимавших его россиян своей скромностью, простотой и неподдельным интересом к русской культуре, архитектуре и общественной жизни. Его возили по всему Петербургу, он побывал в музеях и театрах столицы. Большой любитель живописи, он не мог оторваться от картин Айвазовского и Репина, которые увидел впервые. А когда Джером прослушал в оперном театре «Руслана и Людмилу», а затем «Царя Федора Иоанновича», он с восторгом заметил, что эти дивные вещи он мог бы понять и без перевода — так хорошо они написаны и поставлены.

Россия произвела на писателя огромное впечатление. Шесть лет спустя вышла его книга очерков «Праздные мысли в 1905 году», одну из глав которой Джером посвятил России. В 1906 году эта глава вышла в русском переводе под названием «Люди будущего». Восхищаясь талантливостью народа России, Джером рассказывает об одном из своих русских знакомых, изучившем китайский язык за шесть месяцев. Что касается английского языка, то «они выучивают его прямо во время разговора с вами», — шутливо добавляет Джером. «Русский человек — одно из самых очаровательных существ на земном шаре», — утверждает писатель и предвещает великое будущее стране, в которой живут такие люди.

Джерома интересовало и творчество русских писателей. Например, в 1926 году Джером, уже пожилой человек, специально пришел в дом, где остановился приехавший в Лондон по приглашению Пен-клуба Иван Бунин, чтобы лично встретиться с ним.

В 1900 году Джером написал продолжение «Троих в одной лодке», назвав свою новую повесть «Трое на четырех колесах». Ее герои — те же, что и в первой книге, только теперь они путешествуют не по Темзе, а по Германии, и не в лодке, а на велосипедах. После этого Джером создал еще немало произведений — пьес, романов, очерков, книг воспоминаний.

В 1914 году началась первая мировая война. Джером, несмотря на свои 55 лет,

отправился добровольцем на фронт, во Францию, где доставлял с поля боя раненых на санитарной машине.

Последние годы жизни писатель провел в графстве Букингемшир на своей ферме, имевшей необычное название — «Монаший уголок». И в пожилом возрасте он сохранял тот вкус к жизни, который свойствен молодым людям. Умер Джером 14 июня 1927 года.

В наше время, как и сто лет назад, Джером Клапка Джером не в почете у критиков — хоть российских, хоть американских. Откройте любую энциклопедию, и вы найдете маленькую снисходительную статейку о сентиментальном писателе-юмористе средней руки. А вот просто читатели Джерома любили и любят. Видимо, потому, что писал он о повседневной жизни обычных людей, но умел находить в ней столько смешного и светлого, что каждый понимал: Божий мир не хорош и не плох — все дело в том, как ты к нему относишься.

И хотя замечательному английскому писателю Джерому Клапке Джерому, несмотря на все его старания, так и не удалось стать серьезным, но для читателей это, наверное, и к лучшему.

Валерий Чубко

Предисловие автора

Прелесть этой книги не столько в литературном стиле или полноте и пользе заключающихся в ней сведений, сколько в безыскусственной правдивости. На страницах ее запечатлелись события, которые действительно произошли. Я только слегка их приукрасил, за ту же цену. Джордж, Гаррис и Монморенси не поэтический идеал, но существа вполне материальные, особенно Джордж, который весит около двенадцати стоунов.¹ Некоторые произведения, может быть, отличаются большей глубиной мысли и лучшим знанием человеческой природы; иные книги, быть может, не уступают моей в отношении оригинальности и объема, но своей безнадежной, неизлечимой достоверностью она превосходит все до сих пор обнаруженные сочинения. Именно это достоинство, скорее чем другие, делает мою книжку ценной для серьезного читателя и придаст большой вес наизиданиям, которые можно из нее почерпнуть.

Глава первая

Трое инвалидов. — Страдания Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Полезные рецепты. — Средство против болезней печени у детей. — Мы сходим на том, что переутомился и что нам нужен отдых. — Неделю в море? — Джордж предлагает путешествие по реке. — Монморенси выдвигает возражение. — Первоначальное предложение принято большинством трех против одного.

Нас было четверо — Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморенси. Мы сидели в моей комнате, курили и рассуждали о том, как мы плохи, — плохи с точки зрения медицины, конечно.

Мы все чувствовали себя не в своей тарелке и очень из-за этого нервничали. Гаррис сказал, что на него по временам нападают такие приступы головокружения, что он едва понимает, что делает. Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тогда тоже не знает, что делает. Что касается меня, то у меня не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке печень, потому что недавно прочитал проспект, рекламирующий патентованные пилюли от болезней печени, где описывались различные симптомы, по которым человек может узнать, что печень у него не в порядке. У меня были все эти симптомы.

Это поразительно, но всякий раз, когда я читаю объявление о каком-нибудь патентованном лекарстве, мне приходится сделать вывод, что я страдаю именно той болезнью, о которой в нем говорится, и притом в наиболее злокачественной форме. Диагноз в каждом случае точно совпадает со всеми моими ощущениями.

Помню, я однажды отправился в Британский музей почтить о способах лечения какой-то пустяковой болезни, которой я захворал, — кажется, это была сенная лихорадка. Я выписал нужную книгу и прочитал все, что мне требовалось; потом, задумавшись, я машинально перевернул несколько страниц и начал изучать всевозможные недуги. Я забыл, как называлась первая болезнь, на которую я наткнулся, — какой-то ужасный бич, насколько помню, — но не успел я и наполовину просмотреть список предварительных симптомов, как у меня возникло убеждение, что я схватил эту болезнь.

Я просидел некоторое время, застыв от ужаса, потом с равнодушием отчаяния снова стал перелистывать страницы. Я дошел до брюшного тифа, прочитал симптомы и обнаружил, что я болен брюшным тифом, — болен уже несколько месяцев, сам того не ведая. Мне захотелось узнать, чем я еще болен. Я прочитал о пляске святого Витта и узнал, как и следовало ожидать, что болен этой болезнью. Заинтересовавшись своим состоянием, я решил исследовать его основательно и стал читать в алфавитном порядке. Я прочитал про атаксию и узнал, что недавно заболел ею и что острый период наступит недели через две. Брайтовой болезнью я страдал, к счастью, в легкой форме и, следовательно, мог еще прожить многие годы. У меня был дифтерит с серьезными осложнениями, а холерой я, по-видимому, болен с раннего детства.

Я добросовестно проработал все двадцать шесть букв алфавита и убедился, что единственная болезнь, которой у меня нет, — это воспаление коленной чашечки.

Сначала я немного огорчился — это показалось мне незаслуженной обидой. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки? Чем объяснить такую несправедливость? Но вскоре менее хищные чувства взяли верх. Я подумал о том, что у меня есть все другие болезни, известные в медицине, стал менее жадным и решил обойтись без воспаления коленной чашечки. Подагра в самой зловерной форме поразила меня без моего ведома, а общим предрасположени-

ем к инфекции я, по-видимому, страдал с отроческих лет. Это была последняя болезнь в лечебнице, и я решил, что все остальное у меня в порядке.

Я сидел и размышлял. Я думал о том, какой интерес я представляю с медицинской точки зрения, каким приобретением я был бы для аудитории. Студентам не было бы нужды «обходить клиники». Я один представлял собой целую клинику. Им достаточно было бы обойти вокруг меня и затем получить свои дипломы.

Потом я решил узнать, долго ли я проживу. Я попробовал себя обследовать. Я пощупал свой пульс. Сначала я совсем не мог найти пульса. Потом внезапно он начал биться. Я вынул часы и стал считать. Я насчитал сто сорок семь ударов в минуту. Я попытался найти свое сердце. Я не мог найти у себя сердца. Оно перестало биться. Теперь-то я полагаю, что оно все время оставалось на своем месте и билось, но объяснить, в чем дело, я не могу. Я похлопал себя спереди, начиная с того, что я называю талией, до головы и немного захватил бока и часть спины, но ничего не услышал и не почувствовал. Я попробовал показать себе язык. Я высунул его как можно дальше и зажмурил один глаз, чтобы глядеть на него другим. Я увидел лишь самый кончик языка, и единственное, что это мне дало, была еще большая уверенность, что у меня скарлатина.

Счастливым, здоровым человеком вошел я в эту читальню, а вышел из нее разбитым инвалидом.

Я отправился к своему врачу. Это мой старый товарищ, и когда мне кажется, что я болен, он щупает мне пульс, смотрит мой язык и разговаривает со мной о погоде — все, конечно, даром. Я решил, что сделаю доброе дело, если пойду к нему сейчас. «Все, что нужно врачу, — подумал я, — это иметь практику. Он будет иметь меня. Он получит от меня больше практики, чем от тысячи семисот обычных больных с одной или двумя болезнями».

Итак, я прямо направился к нему. Он спросил:

— Ну, чем же ты болен?

Я ответил:

— Я не стану отнимать у тебя время, милый мой, рассказывая о том, чем я болен. Жизнь коротка, и ты можешь умереть раньше, чем я кончу. Но я скажу тебе, чем я не болен. У меня нет воспаления коленной чашечки. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки, я сказать не могу, но факт остается фактом, — этой болезни у меня нет. Зато все остальные болезни у меня есть.

И я рассказал ему, как мне удалось это обнаружить. Тогда он расстегнул меня и осмотрел сверху донизу, потом взял меня за руку и ударил в грудь, когда я меньше всего этого ожидал, — довольно-таки подлая выходка, по моему мнению, — и вдобавок боднул меня головой. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и отдал мне. Я положил рецепт в карман и ушел.

Я не развертывал рецепта. Я отнес его в ближайшую аптеку и подал. Аптекарь прочитал рецепт и отдал мне его обратно. Он сказал, что не держит таких вещей.

Я сказал:

— Вы аптекарь?

Он сказал:

— Я аптекарь. Если бы я совмещал в себе универсальный магазин и семейный пансион, то мог бы услужить вам. Но, будучи всего лишь аптекарем, я в затруднении.